

Религия и мораль в контексте трансгуманизма

И. А. Тульпе

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Статья исследует получившую широкое распространение на рубеже XX–XXI веков философию трансгуманизма. Автор анализирует, как трансгуманизм, уходя корнями в традиции гуманизма, стремится к обоснованию радикального преобразования природы человека, достигаемого с помощью современных технологий. Особое внимание уделяется вопросам морали и религии в контексте потенциального перехода от трансгуманизма к постгуманизму.

Содержание. Ключевая идея трансгуманизма заключается в том, что развитие технологий – от искусственного интеллекта до биотехнологий – способно не только улучшить человеческие возможности, но и привести к появлению новой формы разумной жизни, так называемого «постчеловека». Человек уже давно находится в состоянии постоянной трансформации. От первых орудий труда до цифровых технологий – каждое изобретение меняло не только среду обитания, но и влияло на саму природу человеческого. Сегодня, с развитием нейротехнологий, геной инженерии и кибернетики, границы между биологическим и искусственным становятся всё более размытыми. Этот переход ставит под вопрос сохранение таких традиционных ценностей как мораль и религия, которые веками определяли существование человека как именно человеческого. Религию в контексте трансгуманизма рассматривают с двух противоположных позиций: она может утратить свою актуальность, поскольку научный прогресс предлагает рациональные объяснения мира, заменяя веру в сверхъестественное; технологии сами могут стать объектом поклонения, особенно если искусственный интеллект или кибернетические существа будут восприниматься как нечто превосходящее человеческое понимание. В контексте трансгуманизма мораль также оказывается под вопросом: если технологии позволят устранить болезни, страдания и социальные конфликты, то традиционные этические нормы могут утратить свою значимость. Искусственный интеллект, способный принимать «идеальные» решения, может избавить людей от моральных дилемм. Или же человек, даже в «улучшенной» версии, по-прежнему будет стремиться к чему-то большему, чем просто рациональное существование?

Выводы. Предлагая радикально новые подходы к пониманию человека и его будущего, трансгуманизм ставит под сомнение устойчивость традиционных ценностей гуманизма – морали и религии. Автор подчёркивает необходимость осмысления этических и философских последствий технологического прогресса, чреватого потерей человеческой идентичности.

Ключевые слова: трансгуманизм, человек, религия, мораль, технологический прогресс, гуманизм, этика, философия.

Для цитирования: Тульпе И. А. Религия и мораль в контексте трансгуманизма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 3. – С. 168–180. DOI: 10.35231/18186653_2025_3_168. EDN: AQHUWC

Religion and Morality in the Context of Transhumanism

Irina A. Tulpe

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

Introduction. The article explores the philosophy of transhumanism, which became widespread at the turn of the 20th and 21st centuries. The author analyzes how transhumanism, rooted in the traditions of humanism, seeks to justify the radical transformation of nature. Traditions of humanism seek to justify the radical transformation of human nature, achieved with the help of modern technologies. Particular attention is paid to issues of morality and religion in the context of a potential transition from transhumanism to posthumanism.

Content. A key idea of transhumanism is that the development of technology can not only improve human capabilities, but also lead to the emergence of a new form of intelligent life, the so-called "post-human". Human beings have long been in a state of constant transformation. From the first tools of labor to digital technology, each invention has not only changed the environment, but also has affected the very nature of the human. Today, with the development of neurotechnology, genetic engineering and cybernetics, the boundaries between the biological and the artificial are becoming increasingly blurred. This transition calls into question the preservation of traditional values such as morality and religion, which for centuries have defined human existence as precisely human. Religion in the context of transhumanism is viewed from two opposing perspectives: it may lose its relevance as scientific progress offers rational explanations of the world, replacing faith in the supernatural; technologies themselves may become an object of worship, especially if artificial intelligence or cybernetic beings are perceived as something superior beyond human comprehension. In the context of transhumanism, morality also comes into question: if technology makes it possible to eliminate disease, suffering and social conflicts, traditional ethical norms may become irrelevant. Artificial intelligence, capable of making «perfect» decisions, can save people from moral dilemmas. Or a human being, even in an «enhanced» version, will still strive for something more, than just a rational existence?

Conclusions. By proposing radical new approaches to understanding human beings and their future, transhumanism challenges the sustainability of traditional values of humanism, morality and religion. The author emphasizes the need to comprehend the ethical and philosophical consequences of technological progress, which is fraught with the loss of human identity.

Key words: transhumanism, human, religion, morality, technological progress, humanism, ethics, philosophy.

For citation: Tulpe, I. A. (2025) Religiya i moral' v kontekste transgumanizma [Religion and Morality in the Context of Transhumanism]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 168–180. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_3_168. EDN: AQHUWC

Введение

На волне новой научно-технологической революции на рубеже XX–XXI веков стала широко распространяться возникшая в середине прошлого века философия трансгуманизма. Корень существительного трансгуманизм указывает как на интеллектуальную традицию гуманизма, так и – следуя ей – на того, кто находится в ее центре, то есть на человека.

Новые возможности и новые опасности невиданных прежде технологий обращены к физической и ментальной природе человека, в идеале – к ее совершенствованию. Исследование отношения разных религий к возможным перспективам цифрового будущего, сообразно их учениям о «послеземной» жизни человека, отношение к религии творцов и идеологов трансгуманизма, переносящих свою религиозность или атеистичность на представления о трансгуманистическом будущем; оценка трансгуманизма как специфичной секулярной религии, открывающей новые человеческие возможности к достижению вечной жизни тварным существом и т. п. – это важные, интересные темы, которые обсуждаются учеными, философами, теологами [см., напр.: 4; 5, pp. 163–179; 7; 10]. Равно важной и интересной является давно известная тема рубрики «наука и мораль» – об этичности применения технологий, в том числе, тех, что имеют дело с совершенствованием (или «совершенствованием») человеческой телесности и когнитивных способностей?¹

Однако трансгуманистические идеи и проекты позволяют, на мой взгляд, задаться не менее увлекательным вопросом о природе религии и природе морали с точки зрения их «совечности» человеку и их будущей функциональности для технологически усовершенствованного человека. Преобразуют ли человека *нано-*, *био-* и прочие технологии эпохи цифровой революции в духе традиционного гуманистического идеала или получится некто (нечто –?), из-за чего приставка *транс-* приобретет что-то аксеологически или онтологически несовместимое с этим идеалом? То есть, перестанут существовать ценности, о которых веками рассуждали философы. Это предположение

¹ Об этических идеалах самого трансгуманизма см., напр.: Strahovnik, Vojko, and Mateja Centa Strahovnik. 2024. Transhumanism, Human Moral Enhancement, and Virtues // Religions 15: 1345. Available at: <https://doi.org/10.3390/rel15111345> (17 March 2022); Persson Ingmar, Savulescu Julian (2010) Moral Transhumanism // Journal of Medicine and Philosophy, 0:1–14, 2010 doi:10.1093/jmp/jhq052. Available at: journals.permissions@oxfordjournals.org; (accessed 23 April 2022); Bostrom Nick Transhumanist Ethics. Available at: <https://nickbostrom.com/ethics/transhumanist.pdf> (accessed 23 April 2022).

одним видится вполне закономерным (промежуточным) итогом в потоке культурного развития, другим – поводом задуматься то ли о допустимости самих технологий, то ли о способах/ограничениях их практического внедрения.

Содержание исследования

Трансгуманизм – это философии, стремящиеся направить нас к постчеловеческому состоянию [см.: 8]. Разделяя многие идеи гуманизма (в том числе, уважение к разуму и науке, приверженность прогрессу и ценность человеческого существования в этой, а не в загробной жизни), трансгуманизм признает и предвидит радикальные изменения в природе и возможностях человеческой жизни в результате достижений различных наук и технологий, включая искусственный интеллект и освоение космоса как жизненного пространства, в сочетании с рациональной философией и системой ценностей¹.

Считая своей основой Просвещение, трансгуманизм выступает медиатором между гуманизмом и постгуманизмом. Разнообразные варианты *транс-* работают с термином «постчеловек», различно конструируя обозначаемый им объект, с соответствующим к нему отношением (страх, отвращение, интерес, принятие и пр.). В конце 1990-х знаковой стала книга К. Хейлз «Как мы стали постлюдьми?». В ней представлены три «истории», рассказывающие о том, как информация утратила свое тело, как в послевоенные годы был сконструирован киборг (технологический артефакт и культурная икона), и как человек стал постчеловеком. Автор утверждает, что «постчеловек на самом деле не означает конец человечества» [6, с. 286], в нем не может быть ничего апокалиптического или античеловеческого. Но то, как конструируется и понимается постчеловеческое, тесно связано с тем, как понимается человек.

От «двуногого без перьев» и «меры всех вещей», от новоевропейского концепта человека как «внутренне нравственного», рационально мыслящего существа сегодня происходит умножение характеристик человека. Тем более, что современные исследования в области когнитивных наук опровергают

¹ Наиболее развитой формой трансгуманизма, по Максиму Мору, является экстропианская философия («экстропия» вначале – как антоним «энтропии»). More Max. Towards a Futurist Philosophy. Available at: <https://www.ildodopensiero.it/wp-content/uploads/2019/03/max-more-transhumanism-towards-a-futurist-philosophy.pdf> (accessed 09 July 2023).

представления о том, что разумен только человек. Впрочем, когда еще было отмечено, что «переход от животных к человеку не очень резок», что человек «создан не из какой-то более драгоценной глины, чем животные. Природа употребила одно и то же тесто как для него, так и для других, разнообразя только дрожжи» [2, с. 190, 201]. И если нам слишком огорчительно вместе с популярной американской писательницей К. Лейси, признавать, что поскольку человек это, прежде всего, чувствующая телесность, постольку человеческая жизнь это «временная кровавая кутерьма»¹, то можно, с опорой на достижения в области естественных и гуманитарных наук, академически и почти всеобъемлюще описать человека примерно так, как это некоторое время назад сделал профессор Патрик Хопкинс: «Мы – двуногие, обладающие бинокулярным зрением, сексуально диморфные, умеющие рассказывать истории, выдвигать гипотезы, обмениваться ресурсами, социальные приматы с большим пальцем, которые борются за социальное положение, добывают пищу и размножаются. Мы недолговечны, мыслим как мешки с соленой водой». К этому «беспристрастному» описанию он посчитал необходимым добавить то, что побуждает нас к действию. Это любознательность, способность испытывать боль и удовольствие, отчего мы стремимся к «вечной цели»: избавлению от ненужных страданий, к безопасности, к расширению свободы и к счастью. По утверждению многих, добавляет Хопкинс, как духовно ущербные создания, мы «ищем исцеления и единения с Богом»².

Просвещение и его гуманитарные науки создали образ человека таким, каким мы его знаем сегодня: автономным индивидом, обладающим свободой воли. В этом представлении о человеке примат разума, давший качественно новый уровень в эволюции живой материи, является одной из первых «гуманистических» черт, независимых от биологически прирожденных способностей. Человек способен сохранять, накапливать и использовать результаты и средства познания мира, создавать материальную культуру и самоорганизовыв-

¹ Lacey Catherine. The Answers Are Not Important: An Interview With Catherine Lacey// The Paris Review August 28, 2018. Available at: <https://www.theparisreview.org/blog/2018/08/28/the-answers-are-not-important-an-interview-with-catherine-lacey/> (accessed 24 June 2022).

² Hopkins Patrick D. A Moral Vision for Transhumanism// Journal of Evolution and Technology. Vol. 19. Issue 1. September, 2008. P. 3–7. Available at: <http://jetpress.org/v19/hopkins.htm> (accessed 12 October 2024).

ваться [1, с. 79–80]. Человек смог превратить свою разумность в видовое преимущество.

Трансгуманизм имеет дело с идеей совсем нового человека. Научно-фантазийная дерзость, воплощаемая в произведениях искусства (см., напр., роман «Transhumanism. Inc» В. Пелевина), представляет мир био-социо-диджитал человека, в котором цифровое стремительно внедряется и в био-, и в социо-, позволяя исправить «телесный негатив», нажитый цивилизованным человечеством. Скажем, вернуть его видовое физическое совершенство, подкорректировав продолжительность здоровой энергичной жизни и соединив с неким «наполнением» жизненного процесса, который до-постчеловек, как правило, направляет на организацию жизнеобеспечения. Перед новым способом понимания человеческого субъекта и его взаимосвязи с миром природы привычный антропоцентризм отстывает.

В отличие от других животных, чьи адаптационные возможности развиваются, трансформируются с необходимостью приспособления к меняющейся по разным причинам среде обитания, *sapiens* сам создает жизнеобеспечивающие технологии, преобразующие среду обитания и соответствующие ей новые образы жизни и мысли. Любое изобретение, вошедшее в повседневность, меняет навыки организации жизни, способы коммуникации, взгляд на мир, на себя.

Камень в руках первобытного охотника-собирателя был своего рода «киберпротезом», усиливающим естественные возможности руки, как и все позднейшие, изобретаемые и совершенствуемые, орудия производства. В этом смысле, человек, который и без «цифровых имплантов», давно улучшает свое тело, врачуя себя хирургическими операциями, таблетками, физкультурой, перманентно – «трансчеловек». Памятуя о коренной связи кибернетики с теорией систем, нельзя ли считать киборгонизацией вовлеченность, например, в соцсети или использование манипулирующих сознанием многочисленных приложений, которые встраивают пользователя в разнообразные реальные и виртуальные системы? Впрочем, речь может идти не только о пугающей зависимости от искусственного интеллекта, но и вообще об автоматическом принятии, об интериоризации любых внешних воздействий, направленных на сознание, которое «разумно», *сапиенсно* обуславливает наше

восприятие внешнего мира и взаимодействие с ним. В принципе, необязательно что-то имплантировать, чтобы стать киборгом (т. е., кибернетическим организмом).

Что такого качественно нового для нашего биологического вида может дать цифровая революция, если иметь в виду, что от охотника-собирателя до нас (до айтишника) это не первая технологическая революция: каждая происходит из-за меняющихся физических и ментальных потребностей, реализация которых требует поиска/изобретения адекватных технологических решений. Впрочем, как отмечает профессор Ивелин Сардамов, опираясь на ключевые открытия в области нейробиологии, человеческий характер изменился, когда, кажется, все стали носить с собой смартфоны. В долгосрочном процессе адаптации к социальной и сенсорной чрезмерной стимуляции наступил переломный момент: мы постепенно превратились в «ментальных пингвинов» (в том смысле, что мы потеряли способность «летать» и, возможно, никогда не сможем вернуть ее обратно), в существ, которые отказались от некоторых глубоко человеческих качеств, приобретя более адаптивный, но более узкий «набор навыков» [9, p. 203].

Предполагается, что благодаря медицинским технологиям, с внедрением в тело запасных частей, созданных из его собственного биологического материала или чего-то искусственного, человек будет жить долго и здоров. Можно, конечно, начать опасаться за будущее мозга: вдруг искусственный интеллект, победит интеллект своего создателя, и упразднит за ненадобностью *мыслящий* мозг, а реэволюция мозга сосредоточится на совершенствовании его функции физиологического регулятора абсолютно совершенного тела.

Информационные технологии применяются не только в науке и производстве, они приходят в быт и укореняются в нем. То, что прежде делали «лично», «в реале», стало возможным (а во время и после ковидной пандемии – и желательным) делать онлайн, включая «роскошь общения» с друзьями и френдами. Может, человек, сложившийся из трансгуманистической трансформации, это не только и не столько здоровый долгожитель, сколько тот, кто пребывает в созданной им реальности, в которой нет необходимости в привычных социальных связях; тот самый атомарный человек, у которого

есть, чем себя занять в плане саморазвития, который коммуницирует с кем хочет, как хочет, когда хочет; нарушение правил поведения в сети не грозит ей разрушением, следовательно, кодекс поведения, нарабатываемый веками с поиском средств понуждения к его исполнению не нужны. То есть, религия и мораль, эти извечные спутники человека, эти человекообразующие феномены в качестве социальных регуляторов (в том числе, и по «семейным вопросам»¹ себя изживают.

Перестанет ли существовать тот/ такой человек, о природе которого, о способах совершенствования которого, о существе его целеполагания так долго размышляли-мечтали-советовали мыслители прошлого? Он неуязвим «телесно», у него нет проблем с пониманием любых – природных или социальных – процессов и явлений, его рациональность не подвержена сомнению ни в чем, его совершенство не знает зависти, и страха тоже не знает. Совершенство всех остальных членов сообщества не оставляет места необходимости/ потребности заботиться о больных, слабых, старых и т. п., то есть тому действительному душевному состраданию (эмпатии), которое считается достоянием именно человека, лежащим в основе его нравственности. Если человек настолько изменится телесно и ментально, то уместны ли размышления о судьбе традиционных общечеловеческих ценностей и принципов гуманизма (пусть и на новый лад)? Фр. Фукуяма, например, оценивает изображенное в «Дивном новом мире» О.Хаксли, как тонкий и страшный социальный кошмар: мир, где здоровые и счастливые люди перестают быть людьми, перестают делать то, что «мы традиционно считаем человеческим» [3, с. 15–16]. Одним словом, трансгуманистическая философия, в своем порыве к будущему ставит под сомнение гуманистический «неприкосновенный запас», выработанный человечеством на протяжении всей его истории. В том числе, религию и мораль.

Известный идеолог и практик трансгуманизма Макс Мор², признавая положительную роль религии в придании смысла и структуры нашей жизни, тем не менее утверждает, что ее действие как энтропийной силы противостоит продвижению

¹ Футуристические прогнозы относительно демографии говорят, что проблема будет легко разрешима без участия человека; то есть, право самореализоваться в качестве родителя сохраняется, но человека никто не принуждает к чадородию.

² More Max. Op.cit.

к трансчеловечеству. Согласно его представлению о религии, ее *типичными элементами* являются вера в сверхъестественные силы, церемонии, всесторонний взгляд на жизнь и моральная теория или свод правил. Однако, ядро, *сущность* религий/религии и религиозного стиля мышления явлено в вере и поклонении, в то время как предмет веры (в том числе, бог) вторичен. В донаучную эпоху религия с помощью своих специфических технологий (магии, молитв, ритуалов) хотя и поверхностно, но удовлетворяла познавательные потребности человека. Существование ее в эпоху научную объясняется применением ее в качестве средства социального контроля. Особенно существенно следующее: научный прогресс, стремительные изменения в технологиях и общественной жизни приносят в жизнь большую расплывчатость, неясность, а человеку для психического здоровья и силы жить необходимы экзистенциальные убеждения, наделяющие жизнь смыслом, из чего и происходит привлекательность разных форм религии как средства справиться с нарастающей неопределенностью. Поскольку религия может презентовать себя источником смысла жизни и ее направления, то утрата порядка, информации и полезной энергии (энтропия) способствуют вере: человек обретает иллюзию осмысленности, переживая себя частью какого-то грандиозного плана. «Религия действует как философский лейкопластырь», но плохо способствует индивидуальной и социальной эволюции¹. Величайшая задача трансгуманизма, по Мору, это – перестройка сознания таким образом, чтобы избавиться от сильной тяги к определенности догматического толка, боязни будущего и смерти. Поскольку человеку нужна осмысленность, то есть, другой способ мышления, постольку религия подлежит упразднению/замещению нерелигиозной философией жизни (эвпраксией)².

В трансгуманистической философии обсуждается и прямо противоположная позиция: технологические достижения в области нанотехнологий, геной инженерии, робототехники и искусственного интеллекта resultируются в появлении

¹ More Max. Op.cit. P.3.

² Концепция эвпраксии содержит и гуманизм, и трансгуманизм, и будущий постгуманизм. Гуманизм (без приставок) отвергает религию с ее божествами, верой и поклонением, и основывает вместо этого все представление о человеке и его возможностях в рамках рациональности и науки. Трансгуманизм разделяет многие элементы гуманизма, отличаясь от него признанием и предвидением радикальных изменений в природе и возможностях нашей жизни в результате различных наук и технологий. Его передовая версия – экстропианство – разделяет с другими трансгуманистическими версиями представление о цели, но отличается от них принципами, которые приведут к ней.

сущест, столь величественных и непостижимых, что люди будут склонны поклоняться им, как богам, в которых можно поверить [11]. Перспективы получения – пусть и не целенаправленно – такого постчеловека предполагают, что именно в том цифровом будущем произойдет самореализация религии (в ее христианско-гегелевском изводе).

Нынешнее состояние/положение религии, какой бы его аспект ни представлялся интерпретатору «религиообразующим», оценивается то актуальным для небольших групп пережитком, у которого нет будущего; то свидетельством со-вечной человечеству актуальности, проявляющейся в разные времена по-разному. Религия в этом случае «прирождена» человеческой природе, независимо от меры принятия этого факта научной общественностью или отдельными индивидами, называющими себя атеистами/агностиками. Очевидно, что будущее религии видится думающим об этом в контексте их конкретных пониманий того, что такое религия, является ли она посохом, навигатором или препятствием на пути через транс- к постчеловеку или целью этого движения в будущее?

С моралью – абстрактно-теоретически – может быть не менее сложно, независимо от того, синонимизируется она с нравственностью или нет. Обычно морально-нравственная проблематика трансгуманизма в связи с наукой заключается в моральной оценке и моральном контроле деятельности ученых с целью недопущения возможных негативных последствий научно-технического прогресса. Если индивидуальная моральность призвана преодолевать осознаваемые личные пороки, типа зависти, проистекающей из сравнения себя и своих достижений с другими, с тем, чего другие достигают в разных сферах и чего не могу достичь я, то в мире совершенных людей – одинаково здоровых, одинаково удовлетворенных своей внешностью, одинаково умных, одинаково ответственных за свою жизнь и проч., не должно быть межличностных конфликтов, требующих разрешения на основе моральных кодексов.

Это в современном, «до-постчеловеческом», обществе нравственность определяет правила (алгоритм) поведения в социальной группе и межгрупповом общении, которые усваиваются индивидом культурно-бессознательно в процессе социализации. Последствия случайного или намеренного

нарушения этих правил, имеют результатом противостояние, выраженное во внешнем или внутреннем конфликте, и личные выводы из случившегося. Мораль вносит в индивидуальную жизнь «головную боль» саморефлексии.

От мук совести, нравственных страданий и проблемы нравственного выбора могут «излечить» передовые технологии: моральность (или, напротив, снятие моральной проблематики) оказывается побочным продуктом развития науки и внедрения ее достижений в жизнь? Едва ли триггером научно-технологического прогресса является забота человечества об улучшении своего морально-духовного облика. Однако транс-/постгуманистическая философия открывает новый аспект этой связи. Впрочем, поскольку и в «до-постчеловеческом» мире индивидуальная моральность, как правило, соотносится, прежде всего, с социальными нормами поведения, «подчинения личного – общественному», то индивидуальные «моральные искания» не являются доминантой человеческой жизни.

Супертехнологии, соединенные с супернаукой, как будто способны реализовать вековые мечты о бесконечно долгой прекрасной жизни: совершенный человек среди таких же совершенных людей, живущий в «умном мире» как «умном доме», не нуждающийся ни в чьей помощи и сочувствии, и которому более не нужен культурный инструментарий, изобретенный до-постчеловеком для достойного преодоления жизненных препятствий. Условно говоря, когда у тебя и у всех вокруг все хорошо, то моральным, наконец, становится быть легко, то есть для совершенной во всех отношениях личности моральное самосовершенствование может оказаться атавистическим требованием. Если, конечно, моральность становится и развивается не только и не столько из необходимости внеюридического регулирования/предотвращения актуальных и потенциальных межличностных конфликтов.

Если искусственный интеллект, дополнит совершенное тело и сможет обеспечить безошибочное движение по дорогам жизни, подобно беспилотным средствам передвижения, объезжая препятствия и не создавая «пробок», то получится вполне жизнеобеспечивающая бесконфликтная, беспроблемная коммуникация. Мораль, с ее вопросами как правильно поступить, правильно ли задумал и подумал, касается проблем, проис-

ходящих из рефлексии о своей степени нравственности и/или из взаимосвязанных вопросов, как и зачем жить (мне, другим, всем). Предположив, что искусственный интеллект, обеспечивает «безопасность движения на дороге», можно предполагать далее, что им же будет решена проблема, куда и зачем я еду (проблема смысла жизни, по-старому). Или и «диджиталий» захочет думать о себе – сам? То есть, как написал П. Хопкинс, наша психика, сама наша моральная природа не являются законченными проектами, «сами наши характеры и воля, как учили вековые религии и философии, должны быть преобразованы во что-то лучшее»¹.

Выводы

Несмотря на внедрение передовых научных достижений в его тело и в сознание, человек продолжает быть *homo sapiens*, тем биологическим видом, сапиенсность которого обеспечивает непрерывно совершенствующиеся инструменты культурной адаптации к изменяющейся (деятельностью человека) окружающей культурно-природной среде. Среда, формируемая информационной революцией, требует адаптации, подстройки «программного обеспечения» мышления и сознания с телом (его носителем и оборудованием) для обеспечения эффективного взаимодействия системы «человек» с нелинейно трансформирующейся реальностью, а складывающиеся конкретные (я-индивидуальные) системы выглядят более адаптивными, чем социум, элементами которого они являются.

Список литературы

1. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000. – 637 с.
2. Ламетри Ж. О. Человек-машина // Ламетри Ж. О. Сочинения / общ. ред., предисл. и примеч. В. М. Богуславского. – 2-е изд. М.: Мысль, 1983. – 509 с.
3. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с.
4. Cole-Turner Ronald (ed.). Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement. – Washinton D. C., Georgetown University Press. 2011. – 228 p.
5. Hauskeller M., Mythologies of Transhumanism. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. – 2016. – 232 p.
6. Hayles, N. K. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. – Chicago: University of Chicago Press Journals, 1999. – 364 p.
7. Mercer, C., Trothen, T. J., (eds.) Religion and Transhumanism: the Unknown Future of Human Enhancement. – Santa-Barara: PRAEGER ABC-CLIO, LLC. 2015. – 473 p.

¹ Hopkins Patrick D. Op. cit.

8. Ranisch R., Sorgner S. L. (eds). *Post- and Transhumanism: An Introduction*. – Frankfurt et al.: Peter Lang Publisher, 2014. – 316 p.
9. Sardamov, I. *Mental Penguins: The Neverending Education Crisis and the False Promise of the Information Age*. – Winchester: Iff Books., 2017. – 240 p.
10. Shatzer, J. *Transhumanism and the Image of God*. – Downers Grove: IVP Academic. 2019. – 198 p.
11. Zimmerman, M. E. Religious Motifs in Technological Posthumanism // *Western Humanities Review*. – 2009. – Vol. 63 (3). – Pp. 67–83.

References

1. Zinoviev, A. A. (2000) *Na puti k sverkhobshchestvu* [On the way to super-society]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).
2. La Mettrie, J. O., de. (1983) "Chelovek-mashina" ["The Machine Man"]. In *Sochineniia* [Works], edited by V. M. Bogustavskii. Pp. 169–226. 2nd ed. Moscow: Myst. (In Russian).
3. Fukuyama, F. (2004). *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviia biotekhnologicheskoi revoliutsii* [Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST": OAO "LIUKS". (In Russian).
4. Cole-Turner, R., (ed.) (2011) *Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.
5. Hauskeller, M. (2016) *Mythologies of Transhumanism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
6. Hayles, N. K. (1999) *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: University of Chicago Press.
7. Mercer, C., Tracy, J. Th., (eds.) (2015) *Religion and Transhumanism: The Unknown Future of Human Enhancement*. Santa Barbara: Praeger.
8. Ranisch, R., Stefan, L. S., eds. (2014) *Post- and Transhumanism: An Introduction*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
9. Sardamov, I. (2017) *Mental Penguins: The Neverending Education Crisis and the False Promise of the Information Age*. Winchester: Iff Books.
10. Shatzer, J. (2019) *Transhumanism and the Image of God*. Downers Grove: IVP Academic.
11. Zimmerman, M. E. (2009) "Religious Motifs in Technological Posthumanism." *Western Humanities Review*. Vol. 63 (3). Pp. 67–83.

Информация об авторе

Тулпе Ирина Александровна – доктор философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-7010-6175, e-mail: tulpei@yandex.ru

Information about the author

Irina A. Tulpe – Dr. Sci. (Philos.), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-7010-6175, e-mail: tulpei@yandex.ru

Поступила в редакцию: 23.05.2025
Принята к публикации: 18.06.2025
Опубликована: 25.09.2025

Received: 23 May 2025
Accepted: 18 June 2025
Published: 25 September 2025